

Павел ЧХАРТИШВИЛИ

Павел Чхартишвили родился в 1948 году в Москве. Окончил Московский техникум автоматики и телемеханики и исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Работал механиком-прибористом, техником-конструктором, статистиком, учителем истории. 40 лет работал в Государственном архиве РФ, почётный работник этого архива. Печатался в журналах «Вопросы истории», «Преподавание истории в школе», «День и ночь», «Север», «Урал», «Подъем», «Южная звезда», «Сура», «Байкал»; в «Независимой газете». В «Волге» публикуется с 2018 года. Живет в Москве.

БУКЕТИК ОТ РАМУТЕ

Рассказ

Москвич Борислав Михайлович Сергеев учил юное поколение правильно писать по-русски и любить шедевры отечественной и зарубежной художественной литературы. Школьники же ляпали ошибки. Они не корпели над «Войной и миром» или «Паломничеством Чайльд-Гарольда», предпочитая гонять шайбу. Сергеев был терпелив, не унывал, а по поводу проблем с дисциплиной ребят сказал на педсовете, что конечно надо принимать меры, но не стоит превращать школу в учреждение, в котором служил штандартенфюрер Штирлиц.

Когда-то молодую Александру Харитоновну, будущую спутницу жизни Борислава Михайловича, похвалил старый профессор:

– Очень способная студентка.

Потом она дослужилась до должности ведущего экономиста и на ней застряла. Как-то дома промолвила с грустью:

– Видимо, это мой потолок.

В мае 1982 года супруги, их дочь и друзья праздновали шестидесятилетие Борислава Михайловича. За окном цвела вишня. Сергеев с детства радовался весной ранней листве, осенью – золотой. Вечером, проводив гостей, жена вымыла посуду и села к телевизору. Повернулась и сообщила в ужасе, что знаменитой актрисе семьдесят. Муж ответил:

– Ну и мне через десять лет будет столько.

А через три недели настало пятидесятипятое Александры Харитоновны. Сергеевы мечтали отдохнуть на пенсии. Они давно подсчитывали, сколько лет осталось до счастья, и вот наконец уволились. Пенсия мужа составила 120 рублей, жены – 110.

Дипломная работа их дочери называлась «Истина и психическая реальность в психоанализе». Теперь Элеоноре Бориславовне было тридцать два. Ей не везло с устройством личной жизни. Иногда, будучи в комнате одна, она негромко напевала:

Старинные часы ещё идут...

Старинные часы – свидетели и судьи.

Когда ты в дом входил, они слагали гимны,

Звоня тебе во все колокола.

Умолкала, а спустя некоторое время опять ловила себя на навязчивом пении хита эстрадной звезды. Поразмыслив, она констатировала: обсессивно-компульсивное расстройство. В транспорте, в очереди, на работе с ней такого не происходило.

Однажды у Сергеевых сидела сослуживица Элеоноры Бориславовны и запивала чаем популярный среди москвичей вафельный торт «Сюрприз» (килограмм за 2 рубля 20 копеек). Предложила родителям подруги интересно и познавательно отметить их

юбилейный год. Сказала, что в городе Тракай в собственном доме живёт знакомая ей и её мужу супружеская пара с двумя дочками. Хозяйка говорит по-русски и недорого сдадут комнату, она сама им напишет. Заинтриговала. Замки великих князей: Витаутаса – в прекрасном состоянии, в нём исторический музей и хорошая столовая; и Кейстутиса – там только башни и руины; усадьба и дворец Тышкявичуса; доминиканский монастырь; костёл Явления Пресвятой Девы Марии и православная церковь Рождества святой Божьей Матери; Караимский этнографический музей; три озера, из них самое красивое – Гальве, есть лодочная станция, можно купаться. Райский уголок. Для окончательного просвещения хозяев оставила им пластинку с симфонической поэмой «Море» Микалоюса Чюрлёниса.

Семья кое-что знала о балтийской «витрине СССР», советской Европе. Борислав Михайлович помнил сообщение об открытии современной автомобильной трассы через всю Литовскую ССР, от Вильнюса до Клайпеды. К пятидесятипятилетию Сергеева родительский комитет подарил ему роман «Потерянный кров» Йонаса Авижюса, на титульном листе под благодарностью классному руководителю и добрыми пожеланиями расписались учащиеся десятого «Б». Борислав Михайлович что-то читал о поэте Юргисе Балтрушайтисе. Сергеевы видели вестерн «Никто не хотел умирать», в котором четыре брата мстили за убитого отца. Семье нравились Донатас Банионис, Регимантас Адомайтис и Юозас Будрайтис, Александре Харитоновне запомнился Альгимантас Масюлис. Дочь слышала об оперном певце, теноре Виргилиусе Норейке и скрипаче, дирижёре Саулюсе Сондецкисе. После ухода сослуживицы Элеоноры Борислав Михайлович полез в свой футбольный архив и установил, что вильнюсский «Спартак» (позднее переименованный в «Жальгирис») трижды играл в четвертьфинале Кубка СССР. Наконец Сергеев, прочитав когда-то и запомнив даты взятия немцами первых советских городов, не забывал говорить себе каждый год 22 июня: «В Каунасе ещё наши», 23 июня: «В Вильнюсе ещё наши», 24 и 25 июня: «В Шяуляе ещё наши».

Александра Харитоновна с улыбкой вспомнила Ковальюнаса, ушедшего несколько лет назад на пенсию. Жена каждое утро сооружала ему свёрток с провизией. После сытного обеда на рабочем месте он мирно дремал за своим столом, переваривая съеденное, и прихватывал рабочее время. Завотделом этого не замечал: сидел спиной к Ковальюнасу. Так продолжалось долго, этому вообще бы не было конца. Но однажды старший экономист захрапел. Мягкий, интеллигентный заведующий повернулся:

– Ну Вилмантас Юозо...

Подумав, родители Элеоноры Бориславовны решили сняться с насиженного места.

7 июля дочь провожала их на Белорусском вокзале. Поезд «Москва – Вильнюс» ещё не двинулся, а на стариков уже повеяло ароматом Литвы: проводницы говорили между собой на своём родном языке.

В купе наши пенсионеры общались со спутниками: немолодой парой из Пасвалиса – городка на севере Литвы (так сказали попугачики). Женщина, в отличие от своего мужа, говорила по-русски чисто. Бабушка и дедушка навестили внука, уже восьмой месяц служившего в дивизии под Москвой. Парень признался предкам, что от тоски готов пойти домой по шпалам. Услышав, что москвичи едут на месяц в Тракай, соседи по купе заверили их: не пожалеете. Шёл разговор о том о сём. Вспоминали юность. Мужчина из Пасвалиса рассказал, что в 1940 году одни бросали ромашки под ноги входящим в город красноармейцам, других возмутила отмена *privati nuosavybe* – частной собственности. НКВД арестовывал. Сам он тогда мало что понимал и к 22 июня 1941 года не достиг призывного возраста. Тевтонские «освободители» заняли Пасвалис через неделю после своего вторжения, их тоже встречали с цветами. Что творили СС, СД, литовские полицейские и активисты – страшно вспоминать. Немцы пытались мобилизовать «для защиты Литвы» парней девятнадцати – двадцати пяти лет, но большинство не явилось; лично он отсиделся в лесу. Летом 1944 года в окрестностях Пасвалиса шли бои, затем в городе проходил другой призыв – в Красную Армию. Многие опять не пришли: им были

не нужны ни немецкие фашисты, ни советские большевики; хотели, чтобы родина жила сама по себе. А он явился. Его направили в нестроевую часть. Там он помог ефрейтору Кире Монаховой: нёс полевой телефон.

Спросил у жены:

– Какой марки?

– ТАИ-43.

Продолжил:

– И вот: почти тридцать восемь лет вместе.

История была потрясающая, Сергеевы её оценили.

Борислав Михайлович рассказал, что был здоров и хотел в РККА, но, попав в Военно-воздушные силы, был определён на аэродром и тоже не был на передовой. Награждён медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Двадцать лет Победы...», «Тридцать лет Победы...».

Сосед по купе сказал:

– У нас тот же комплект.

– У меня ещё «За взятие Берлина», – напомнила телефонистка.

Александра Харитоновна улыбнулась:

– А я не воевала.

– И слава Богу, – прокомментировал мужчина.

Сергеев сообщил, что он – единственный из юношей класса, доживший до 9 Мая 1945 года. А одноклассники собираются и вспоминают ребят.

Заговорили о культе личности. Литовец заметил:

– Коммунистическая партия убрала из второго куплета гимна Литовской ССР упоминание о Сталине.

Борислав Михайлович ничего не имел против:

– Да. Может быть коммунизм без ГУЛАГа.

Самые наивные московские «шестидесятники» уже признавали несбыточность главной мечты XX века. Но учитель Сергеев ещё веровал.

Литовский ветеран возразил:

– Пока не получилось.

Спросил Александру Харитоновну:

– А вы как считаете?

– Я в этом не специалист, – ответила она. – В своей профессии кое-что понимаю, а во всём не разбирается никто.

– Таких, как вы, большинство: в чём-то разбираются, в чём-то не разбираются. Есть ещё меньшинство: те, которые ни в чём не разбираются, – улыбнулась жительница Пасвалиса.

Путешественники выспались. Завтракали, пили чай. Из динамика лились литовские народные песни. Мелодии, голоса и игра музыкантов были хороши. Затем послышалось:

– Добрый день, товарищи пассажиры! Наш поезд прибывает в столицу социалистической Литвы – 659-летний Вильнюс с полумиллионным населением. Всего вам доброго. Будем рады снова видеть вас в нашем поезде.

Зазвучал гимн. Борислав Михайлович различил три слова: «летува», «партия», «коммунизмо». Спросил мужчину:

– Кто автор музыки?

– Авторы. Дварионас и Швядас.

Простившись с попутчиками, Сергеевы вышли на привокзальную площадь. В неё втекала «Улица С. Шопена» – так было написано на табличке. Забавно. Поехали в исторический центр Вильнюса. Названия некоторых остановок, объявляемые водителем, звучали экзотически. Например, «Аушра». Сойдя с троллейбуса, прочитали: «Замковая гора, высота 48 метров». И ещё: «Башня Гедиминаса – Великого князя литовского, короля литвинов и русинов, высота 20 метров, XV век, готика». Поднялись на гору, затем на

башню. Отдышались. Со смотровой площадки хорошо был виден Старый город и долина реки – её название они узнали позже: Нерис, или Вилия.

Посетили красивый костёл. Туда вошёл солидный мужчина их возраста в хорошем костюме, в галстук, с портфелем, опустился на колени.

Проголодавшись, муж и жена зашли в «Valgykla». Почти все столы были свободны. На второе москвичи с удовольствием съели по куску недорогой говядины. В их родном городе была та же, что и в Вильнюсе, невысокая государственная цена: два рубля за килограмм, но раздобыть говядину по этой цене в Москве было сложно.

Выйдя из столовой, пошли по одной из центральных улиц. За высокой решётчатой оградой увидели скверик, за ним – здание, над которым развевался флаг: на красном фоне золотые пятиконечная звезда, серп и молот; ниже – узкая горизонтальная белая полоска; под ней – более широкая зелёная полоска. Скверик был очень кстати, захотелось посидеть там в тени, поедая мороженое, купленное в киоске с вывеской «Ledai» (узнали ещё одно слово). Пенсионеры вошли в открытые ворота, не обратив внимания на стоявшую сбоку застеклённую будку. В будке вскочил мужчина в штатском и замахал руками: сюда нельзя.

Съездили в знаменитый жилой район Лаздинай.

В те времена в нашей стране книги стоили недорого. Но правдивые, талантливые рассказы, повести, романы издавались недостаточными тиражами. Когда такие произведения появлялись в магазинах, выстраивались очереди; счастливые, оказавшиеся в нужное время в нужном месте, расхватывали долгожданное чтиво, и на полках опять красовалась макулатура. Сослуживица Элеонора, агитируя Сергеевых ехать, сказала, что в Вильнюсе, в университетском городке есть книжный магазинчик, где всегда в продаже произведения замечательных советских писателей 1960-х – 1970-х годов на русском языке. И супруги направились на троллейбусе туда с предвкушением удачи. Нашли и университетский городок, и магазин. Покупателей почти не было. Борислав Михайлович ахнул: Юрий Казаков, Сергей Залыгин, Владимир Тендряков, Вячеслав Кондратьев... Он начал обсуждать с женой: вот это... нет, лучше вот это... Продавец молчал. Стоявшая рядом дама сказала по-русски:

– Это только для студентов.

На студентов наши пенсионеры не были похожи. А возможно, причина была иная: бабе не понравилось, что выбирающие книги говорят не по-литовски. Стерва, подумал Сергеев, что ей, жалко? Настроение было испорчено. Ушли.

Устали. На большом современном автовокзале сели в «Икарус». Мягкие сиденья, комфортно. В пути Сергеева думала: надо будет за идею и организацию поездки купить подружке Элеоноре что-нибудь хорошее. Когда подъезжали к Тракаю, матери вспомнился рассказ дочери. Элеонора пришла в бухгалтерию психушки выяснить: почему заплатили так мало? Бухгалтерша разложила бумаги и объяснила, что заплатили не мало, а даже много. Александра Харитоновна вспомнила плакат в актовом зале своего учреждения: «Экономика должна быть экономной – таково требование времени».

Приехали. На автостанции Борислав Михайлович прочитал, что отсюда ходит автобус в Каунас. Решил: съездим. Супруги нашли улицу, дом, на соседнем здании висела вывеска «Moteriska avalyne». Пенсионеров ждали хозяева: муж и жена в возрасте Элеоноры. А вот и дочери: десятилетняя Аутра и четырёхлетняя Рамуте. Хозяйка показала гостям комнату, уведомила:

– Умываться будете над ванной, а мыться – в городской бане.

Александра Харитоновна спросила хозяина, как переводится надпись на близлежащем доме. Тот ответил:

– «Женская обувь».

Москвичи сразу увеличили число известных им литовских слов. Сергеева сказала мужу:

– Завтра туда ходим.

Правильно. Замок Витаутаса и дворец Тышкявичуса подождут.

Борислав Михайлович записал: добрый вечер – лабас вакарас, спасибо – декуи, пожалуйста – прасоме.

Отдыхали в садике. Сергеев вспомнил противную тётку из книжного магазинчика. Думал о дочери. Размышлял о распространённой точке зрения, что для полного и правдивого отображения жизни надо уделять в романах значительное место социальным вопросам и политике, эти темы – неотъемлемая часть бытия, они постоянно лезут во все щели; приводились примеры: Оноре де Бальзак, Фёдор Михайлович Достоевский, Роберт Пенн Уоррен, Грэм Грин. Борислав Михайлович не был согласен, он считал, что художественная литература не должна дублировать политологию, историю, обществоведение, её дело – человеческая душа, чувства, поступки.

Он наблюдал, как Рамуте рвёт цветочки. Малышка подошла к Александре Харитоновне и подала ей букетик.

Сергеевы привыкли смотреть вечером по Первой программе Центрального телевидения СССР информационную программу «Время». Борислав Михайлович спросил хозяина:

– Можно?

Тот кивнул.

Ведущий Евгений Суслов рассказывал, что вчера взломщик Майкл Фейган пробрался в Букингемский дворец, украл бутылку из винного погреба, затем оказался в спальне царствующей королевы Великобритании и королевств Содружества. Пятидесятишестилетняя Елизавета Вторая проснулась и увидела выпивающего Фейгана. Он попросил у неё закурить, она начала звать на помощь. Чёрно-белый «Рекорд» два раза сам выключался, Рамуте изо всех сил топала ножкой, изображение и звук тут же восстанавливались, девочка смеялась, и её отец веселился от души.

Появилась недовольная хозяйка. Гости встали, пожелали хозяевам спокойной ночи и удалились.

Борислав Михайлович напомнил жене о запрете мыться в ванной.

– Ничего, – ответила она. – Действительно, можно сходить в баню.

Кончался вечер 8 июля.

Бориславу Михайловичу приснился специальный выпуск программы «Время». Вела его Нонна Бодрова. Выпуск был посвящён торжественной встрече в аэропорту «Шереметьево» Леонидом Ильичом Брежневым Первого секретаря ЦК Компартии Литвы Гедиминаса. Лидер братской республики был в ретро-костюме с двумя золотыми медалями «Серп и Молот». Говорил без бумажки, почти без акцента:

– Товарищ Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Советского Союза, Председатель Президиума Верховного Совета СССР! Литва и Россия – соседи почти восемь веков. Имело место всякое. Но давно прекратилась стрельба. Осуждены незаконные репрессии. Литва, сорок лет назад – аграрная, стала в составе СССР промышленной республикой. Хочу передать Вам и всем народам великого Советского Союза привет от дружественного народа Литовской ССР.

Семидесятипятилетний Брежнев, в льняном костюме светло-песочного цвета, с пятью Геройскими звёздами, надел очки, вынул листок.

– Дорогой товарищ Гедиминас! Пусть учёные изучают прошлое, мы их послушаем с чувством глубокого удовлетворения. Но смотреть надо в будущее. Коммунизм несёт людям мир, труд, свободу, равенство, братство и счастье. Draugas Gediminas, sveiki atvyke i pavizdinis socialistas miestas Maskva!¹

Было заметно, что говорить ему трудно. Он подошёл к высокому гостю и расцеловался с ним. Под музыку Дварионаса и Швядаса салютная батарея сорока-

---

¹Товарищ Гедиминас, добро пожаловать в образцовый социалистический город Москву! (лит.).

пятимиллиметровых орудий производила артиллерийские залпы. Маршировал Почётный караул.

Всё в природе и обществе развивается, меняется. Время будет идти, Сергеевы больше узнают, претерпит изменения их мировоззрение, увянут иллюзии. Спустя несколько лет после поездки родителей Элеонры Бориславовны мы начали восстанавливать старые храмы и строить новые; мы говорили родным: «Прости меня за всё» и слышали в ответ: «Бог простит – и я прощаю», мы простили соседей по этажу. Может быть, найдут в себе силы простить друг друга и соседи по географической карте.

Наступило 9 июля 1982 года. Тёплая короткая ночь простёрлась над заболоченным берегом Нямунаса, над дюнами, озёрами, хвойными лесами, пологими холмами, над древним Вильнюсом, над Пасвалисом и Тракаем. Двое начинающих московских пенсионеров крепко спали. Александре Харитоновне снилось, что она в модных туфлях, купленных в «Moteriska avalyne», ступает вслед за мужем на перрон Белорусского вокзала и видит улыбающуюся Элеонру. В руках у дочери цветы, она не одна: с ней незнакомый её родителям мужчина, располагающий к себе.

2020-2021